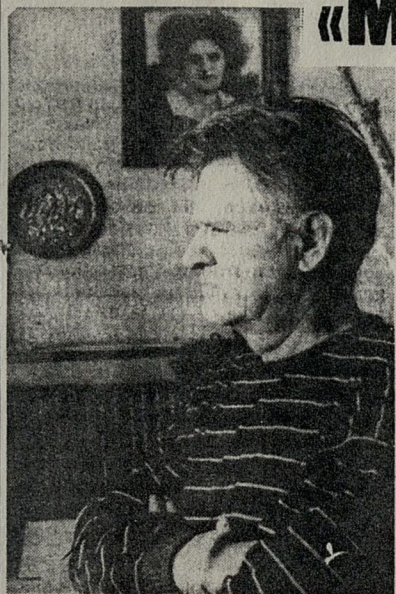

«Мы живем в мрачные времена национализма»

Фазиль Искандер и Владимир Максимов
в беседе с корреспондентом «ЛН» Б. Никитиным

Б. Н. — Фазиль, Ваш писательский стиль — не столько новаторский, сколько традиционный, классический. Это достоинство или недостаток?

Ф. И. — Это и не достоинство и не порок. Я отношусь к писателям, которые менее всего задумываются над стилистикой своих произведений. Когда я пишу, я стараюсь как можно более ясно выразить то, что хочу сказать. Писатель, когда пишет, стремится к звуковому и смысловому подчинению той правде, которую он чувствует. Доказательство этого полного или недостаточного подчинения — стиль.

Б. Н. — Фазиль, вы конечно знаете, что Вас некоторые русские «патриоты» не считают русским писателем. И с национальностью, говоря, у Вас не все ясно. Как Вы сами к этому относитесь?

Ф. И. (громко смеясь) — С национальностью действительно не все ясно, если учесть, что отец — полуабхазец, полуперс, а мама — абхазка. Хотя для меня лично никакой неясности нет. А насчет языков — так для меня два языка родных. Я даже и не помню, на каком я заговорил раньше, скорее всего сразу на обоих. А вот учился в русской школе, считаю, что неплохо знаю русский язык, потому и пишу, как видите, на русском. Хотя темы моих рассказов в большинстве случаев чисто абхазские. Думаю, что если бы Лев Толстой написал одного лишь «Хаджи Мурата», он все равно остался бы в литературе именно русским писателем, а не писателем какой-нибудь мусульманской народности Кавказа.

В. М. — Если бы русскими писателями, я хочу добавить, были только люди с чисто русским, славянским происхождением, то сколько великих имен пришлось бы вычеркнуть из русской литературы в угоду националистам! В этот список попали бы гении: Пушкин, Лермонтов, Даль, наверное — и Аксаков, Куприн, Ахматова, Пастернак, Мандельштам... Слава Богу, этого никогда не произойдет. Вот мнение Надежды Мандельштам. Я даже страницу помню (393 стр. 2-го тома), где она пишет об национализме, в частности об антисемитизме в России. Она говорит, что прошла все грады и веси России, причем с ярко выраженной семитской внешностью, но никогда не слышала и никогда по отношению к себе не ощущала антисемитизма. А вот в среде советской интеллигенции, особенно в первом поколении... Это, как правило, выходцы из деревень, получившие примитивное образование. Но это скорее не столько антисемитизм, сколько антиинтеллигентность. Кстати, сейчас мы наблюдаем явления антирусскости в разных советских республиках, — в средн

азиатских, например. К счастью, это случайные всплески, как ни пытаются их раздуть тамошние националисты, которые, к сожалению, везде есть. И направлены они в основном, против простого народа, рабочих, крестьян, одинаково страдавших там вместе с коренным населением от советского тоталитаризма и уж, конечно, не виновного в массовых репрессиях против других народов. Русский народ, русские больше других пострадали в годы культа Сталина, жили впроголодь в годы застоя. Не надо этого забывать.

Ф. И. — Кстати, о патриотизме. Когда-то давно один писатель был в Тбилиси на какой-то конференции и там встретил какого-то большого партийного начальника из Абхазии. Да, собственно, что скрывать, это Аксенов мне рассказывал. Он спросил начальника, как ему нравится «Созвездие Козлотура». Тот так вот развел руками и сказал: «Клэвэта!» Вот и вся реакция.

В. М. — Никто не хочет взглянуть на себя с юмором, а ведь это лучший взгляд. Для здоровья национального — очень плодотворный.

Б. Н. — Вспомним еще Достоевского, который призывал посмотреть на человека именно тогда, когда он смеется, а не тогда, когда он молчит или говорит, чтобы узнать его душу.

В. М. — Как только человек или нация теряют чувство юмора, тогда гибнет человек и кончается нация.

Б. Н. — Как вы относитесь к неумеренному восхвалению, героизации всех типов революционеров в советской литературе?

В. М. — Отрицательно. Вера Засулич, например, какие бы причины ни руководили, совершила все-таки уголовное преступление. Она стреляла в пожилого человека. И когда толпа, и не просто толпа, а толпа интеллигентных людей выносит ее на руках из зала суда — это говорит о многом. Это помрачение действительного началось не в 17-м году, а, наверное, все-таки намного раньше. И прав Фазиль Искандер, что для этого было много причин не только сугубо социальных.

Ф. И. — Художник исследует. Он не может выразить в своем произведении универсальное состояние нации. Он ведет какую-то свою линию, и если она внутри себя правдива, он прав. Невозможно выработать какой-то универсальный взгляд на нацию, на ее историю. Вот сейчас я вижу в прессе обиды на Льва Толстого. Обиды за то, что русский присяжный суд, считавшийся по тем временам одним из самых прогрессивных в Европе, он взял и высмеял в романе «Воскресение». О чем угодно думают критики, только не о том, что происходит в романе Толстого! Ведь он берет глубинную природу человека, он — психолог, художник — не может совмещать главное с сиюминутной необходимостью. Да и потом, знал ли он, что в России после присяжных судов будут тройки НКВД? Это же предвидеть невозможно. Я думаю, что художник должен быть верен только той поэтической правде, которую он один видит. А все сразу видеть он не может.

А к революционерам всегда было ненормальное отношение в России. Они были героями и в революционной литературе. Уже

говорил, что доходило до того, что губернаторы прятали в своих особняках государственных преступников от полиции. Боялись, что, если откажут дать приют революционеру, знакомые им руки не подадут. Доходило до абсурда. Присягали на верность царю и отечеству, а прятали и помогали царевикам и террористам. Этот феномен еще требует своего объяснения. Может, и литература виновата в чрезмерной идеализации русских революционеров. Тот же Тургенев, Чернышевский, Герцен, Огарев... А потом на искусственно воспитанном уважении к революционерам ловко сыграли большевики.

Б. Н. — Сейчас некоторые критики считают, что такие известные писатели, как Белов, Распутин, Астафьев, идеализируют русского крестьянина, русскую деревенскую общину. А как Вы считаете?

В. М. — К этим писателям я лично отношусь с большим почтением. А романтизация русского крестьянина и крестьянского уклада жизни — это, на мой взгляд, их реакция на современное состояние деревни. И это современное состояние по сравнению с тем, что было когда-то, и мне тоже кажется — ну, просто ужасающим. Хуже никогда не было.

Ф. И. — Момент романтизации деревни есть и в классике. Писатели дворянского происхождения — и Толстой, и Тургенев, и Достоевский — безусловно, идеализировали простой народ. Скорее всего из чувства вины перед его нелегкой судьбой. Но что интересно, гораздо позже Чехов дал такую безрадостную картину деревни в повести «В овраге». Я уже не говорю о Бунине. Вот это уже была вторая волна более трезвого взгляда на жизнь русской деревни, быт крестьянина.

Б. Н. — А писатели менее великие, как ни странно, были более трезвые в оценках русской деревни, чем великие. Горький, Глеб Успенский, например.

Ф. И. — Да, пожалуй, трезвее. Особенно если они сами были крестьянского происхождения.

Б. Н. — Кто, на ваш взгляд, из наших соотечественников-эмигрантов преуспел и прижился на Западе?

Ф. И. — Вот Кончаловский только, кажется, более-менее утвердился.

В. М. — Ну, он утвердился только потому, что он с советским паспортом.

Б. Н. — А что это означает?

В. М. — Это очень многое означает. Если человек — эмигрант, то он сразу попадает в категорию людей второго класса. А советский... через него они как бы имеют дело с великой атомной державой. Вот вам яркий пример. Жил Андрей Тарковский с советским паспортом — и все было довольно, все было замечательно. Однажды он мне позвонил, мы с ним встретились. Оказывается, он решил отказаться от советского гражданства. И хотя его разубеждал, он поступил по-своему. И уже через несколько дней он получил письмо от своего друга-сценариста: «Андрей, я с тобой больше не смогу работать». Мало того, при мне заключался договор на постановку фильма «Жертвоприношение». Из четырех фирм, которые собирались вложить в него деньги, после его поступка английская

и японская сразу отказались. Осталась шведская, ну, и французы что-то дали. И еле-еле фильм сняли, потому что денег не хватало. Казалось бы, что японцам, что англичанам до его гражданства? Казалось бы, свободные люди. Оказалось, что и они зависимы. Не хотели ссориться с СССР, во всяком случае с Госкино, зачем им? От этого зависит их прокат. Вот в чем дело. Коммерческие интересы на первом месте.

У меня вообще ощущение, что сейчас в России какой-то штиль перед большим цунами.

Ф. И. — Да, похоже. «Я вспомню — Россия. Свобода. Керенский на белом коне.» Володя, ты не застал Керенского?

В. М. — Нет. Но я застал Набокова, Толстого, Вишняка — последнего члена Учредительного собрания. А Керенского не застал. Но мне рассказывали, что незадолго до смерти он давал кому-то интервью. Его спросили, что бы он делал, если бы опять попал в ту же самую ситуацию 17-го года? Он ответил: «Как что? Боролся бы с керенщиной!»

Я успел со стариками еще увидеть, а с Александрой Львовной Толстой даже подружиться. Хорошая она была женщина. Она сохранила удивительно ясную голову до конца, хотя уже плохо видела, с трудом ходила, но голова ее была абсолютно ясной. И Набокова тоже застал. Желчно-остроумный был человек. Занимал огромные гостиничные апартаменты. Они за ним закреплены были. Это очень удобно, потому что не надо заниматься хозяйством. Есть врач при гостинице. Старые, богатые люди предпочитают гостиницы. Хорошие гостиницы.

Ф. И. — С Набоковым была его жена?

В. М. — Да. Такая постаревшая одесская еврейка. Она все говорила по-старому: «Господа, что будете: чай, кофе?» А Набоков в ответ: «Матушка, ну когда это я пил чай? Принесите пива.»

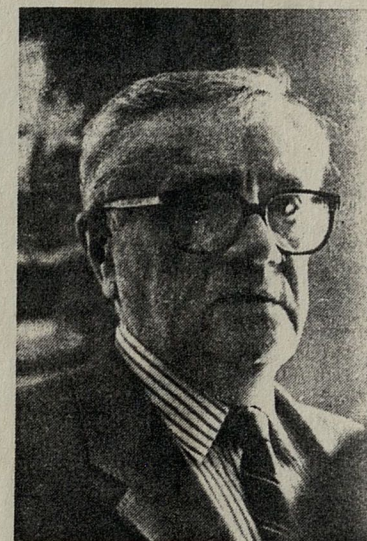
Мне посчастливилось застать в живых Андрея Седых, который в 1933 году выполнял обязанности секретаря Бунина во время их поездки в Стокгольм.

Иван Алексеевич очень плохо знал французский. И это при всем том, что был он столбовым дворянином и академиком. О других языках и вовсе нет речи. По-французски же он мог вести несложные беседы и читать «адаптированные», как сейчас говорят, тексты.

Нобелевская церемония требует от участников неукошительного соблюдения буквы этикета. Каждый жест, поклон, поворот головы, каждое слово — очень многое здесь значит. Когда шведский король вручал Бунину Нобелевский диплом, лауреат отвесил монарху поклон такого достоинства и изящества, такого благородства, что собравшимся показалось, будто встретились два короля.

Поблагодарить короля Бунин должен был по-английски, то есть сказать: «thank you». После чего лауреат читал короткую речь по-французски.

Андрей Седых владел в совершенстве и тем и другим языком. Накануне церемонии они с Иваном Алексеевичем упражнялись в

произношении английских слов благодарности. Эта короткая фраза начинается характерным английским звуком, не имеющим аналога в русском языке. Бунину не сразу удалось произнести заветные слова так, как того требуют нормы языка столь любимых им Лонгфелло и Голсуорси. Иван Алексеевич говорил и «фэнк ю», и «зэнк ю», и «тэнк ю».

Когда настала очередь Бунина подойти к королю, все встали. В зале воцарилась тишина. Густав V протянул диплом и футляр с медалью, затем пожал ему руку и сказал несколько слов. Счастливый лауреат кланяется королю тем знаменитым поклоном патриция, о котором потом много напишут, и отвечает: «Мефси»...

Б. Н. — Вернемся в наш день. Как-то в газете «Куранты» я прочитал рассуждение одного писателя, что не надо бояться войны в грядущем столетии. И вообще Советский Союз никто не будет захватывать, потому что захватить такую громадную территорию и ее сырье — значит сбить оптовые цены в мире, то есть буржуи сами себя тем самым губят. Верно ли это?

Ф. И. — Я думаю, что для нас действительно никакой реальной угрозы от Запада нет. А вот если Китай не пойдет демократическим путем, то лет через десять они нам покажут свои когти.

В. М. — Верно. Пока мы делим суверенитеты, об этой угрозе нельзя забывать. Этот восточный монолит стоит. Ведь вы посмотрите, как тихо они себя ведут. Мы не забывайте, если они пойдут, то они наши суверенитеты учить не будут. Их миллиард с лишком, этот котел когда-то должен перелиться через край, а распространяться им некуда, только на Север, на Юге у них вода, океан.

Б. Н. — Значит, политика Горбачева была верна, нельзя Союз разбивать на удельные республики?

Ф. И. — Я считаю, что объединение республик в Союз — это уже фантастическая задача. Время упущено, если оно было вообще. Все равно никто не послушается, процесс этот будет идти так, как он идет, потому что мы живем в мрачные времена национализма. Это знамение времени. Только исчерпав иллюзию преимущества самостоятельности, наши народы вновь потянутся друг к другу, и объединятся уже на цивилизованной современной основе.

Б. Н. — В наше трудное время вы себя считаете оптимистами или пессимистами?

Ф. И. — Я считаю себя пессимистом, не потерявшим энергии оптимизма.

В. М. — Я — оптимист. Потому что пессимисты говорят, что хуже не бывает, а я считаю, что может быть и хуже. Всегда живу с ощущением, что вот-вот мне упадет кирпич на голову.